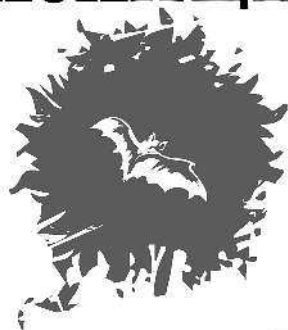

КОЛЫЧЕВ РЕКОМЕНДУЕТ:
БАНДИТСКИЕ СТРАСТИ

КИРИЛЛ

КАЗАНЦЕВ

ДУРДОМ

МОСКВА
2018

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
К14

Казанцев, Кирилл.

К14 Дурдом / Кирилл Казанцев. — Москва :
Издательство «Э», 2018. — 288 с. — (Колычев
рекомендует: Бандитские страсти).

ISBN 978-5-04-092042-6

В тайге совершил аварийную посадку вертолет, на борту которого были золотые слитки с ближайшего прииска. Вдруг откуда ни возьмись появилась женщина, усыпила экипаж и охрану парализующим газом — и золото пропало. Таким же образом пропало золото из поезда. Опер МУРа капитан Ступин сразу почувствовал за этими необычными преступлениями руку неординарного человека. Но кто он? Вскоре Ступину стало известно, что в местном психоневрологическом диспансере проводят опыты по зомбированию людей и оттуда сбежали несколько «психов». Пока капитан думал, как связать одно с другим, его самого усыпили тем же способом. И вот когда он очнулся, то понял, кого ему надо ловить...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Рясной И., 2018

© Оформление.

ООО «Издательство «Э», 2018

ISBN 978-5-04-092042-6

За иллюминатором была тайга. Много тайги. Точнее, там не было ничего, кроме зеленого океана тайги под синим куполом безоблачного неба.

Старенький «Ми-8», скрипя, кряхтя, барабня по воздуху бешено вращающимися лопастями, тащился к пункту назначения. В салоне дремали пятеро вооруженных людей. Они не были расположены любоваться природными красотами. Они привыкли к вечной тайге за иллюминаторами, к вечной тряске, к вечному реву вертолетных моторов и пропахшему горючим неуютному салону. Порой им казалось, что они занимаются этим делом уже не первую тысячу лет. Им было скучно. Одни подремывали, прижав к себе автоматы Калашникова, другие зевали, поглаживая гладкую оружейную сталь. Все новости были обсуждены еще утром, все разговоры переговорены, все анекдоты рассказаны. Скука и зевота — это были их постоянные спутники. Правда, время от времени кого-нибудь из вооруженных людей приятно

будоражила мысль о том, что можно было бы найти немало способов достойно распорядиться содержимым опечатанных мешков, которые приходилось сопровождать. Шестисотые «Мерседесы», белоснежные яхты, курорты на Багамах — мало ли на что можно замахнуться, имея сто одиннадцать килограммов приискового золота...

— Вот рухлядь! — второй пилот ударил ладонью по корпусу рации.

Рация барахла постоянно. Она выходила из строя в самые неподходящие моменты, и второй пилот готов был поклясться, что у нее есть характер, притом характер такой, которому позавидовала бы даже его теща. Рации явно доставляло удовольствие безнаказанно издеваться над вторым пилотом. Рация знала, что, несмотря на преклонный возраст, сдавать в утиль ее не станут — тут вертолеты летают на честном слове, нет денег не то что на новые машины, но и на ремонт старых, в том числе и на замену радиооборудования. Рация рассчитывала еще на долгую жизнь, полную приятных старушечьих козней.

— Вот змея! — в сердцах бросил второй пилот.

Неожиданно после второго апперкота рация ожила.

— Двадцать три двести четыре, почему не выходили на связь? — послышался в наушниках голос диспетчера управления воздушным движением.

— Техника капризничает.

— Вам новая вводная. Срочно забрать геологов с Седого Лога. Там одного медведь помял.

— Это нарушение правил. У нас спецгруз.

— Вы — ближайший борт. Другие не успеют. Человек погибнет.

— Понял.

Диспетчер сообщил координаты, и вертолет лег на новый курс. Хорошо еще, крюк невелик.

За пятнадцать минут до этого «Ми-8» натужно воспарил над золотоприемной кассой прииска «Кедровый». Это должен был быть последний пункт, а потом домой, на базу — там вертолет будет ждать светло-желтый броневедомоцикл с синими пуленепробиваемыми стеклами. Мешки с веществом, в котором пока еще трудно опознать золото, отправятся на афинажный завод, и свершится превращение коричнево-зеленой неприглядной массы в сверкающие золотые слитки — предмет страстей и вождения бесчисленных поколений хомо сапиенсов. И вот непредвиденная задержка.

Через двадцать минут вертолет завис над ровной площадкой. По траве пошли волны от упругих воздушных струй. Машина качнулась и мягко приземлилась на землю.

Логово геологов представляло собой несколько барачков, пару навесов и мачту для антенны. Все выглядело запущенным, пустынным.

— Что-то не нравится мне здесь, — покачал головой старший группы сопровождения груза, кладя пальцы на затвор автомата. — Место гиблое.

— Да брось, служивый, — отмахнулся второй пилот. — Место как место... А вон и хозяйева.

От барака к вертолету приближалась сухощавая женщина лет сорока пяти на вид, на ней была просторная потертая ветровка защитного цвета. В руке ее непонятно зачем болталась пустая кошелка — с такими обычно старушки ходят в городах за кефиром. А вот за чем с ними ходят в тайге?

— Прилетели, голуби, — криво улыбнулась она, обводя мутными глазами прибывших.

— Прилетели, мамаша, — хмыкнул второй пилот. — Ну, показывай, где твой медведем придавленный...

В назначенное время борт двадцать три двести четыре на связь не вышел. Все попытки связаться с ним оказались бесплодными. На поиски были подняты четыре вертолета и два самолета «Ан-26». Через девять часов пропавший вертолет был обнаружен. Целехонький. Члены экипажа и охранники находились без сознания. Когда их привели в себя, они так и не смогли вразумительно объяснить, куда делись сто одиннадцать килограммов приискового золота. Как назло, как раз это-то они и запомнили. Бедняги вообще

почти ничего не помнили. Память у всех отшибло примерно в то время, когда вертолет заходил на посадку. Лишь один охранник вспомнил тетку с кошелкой, но описать ее сносно не сумел.

Их, проспавших часть российского золотого запаса, допрашивали долго и нудно. При этом компетентные лица не уставали повторять, что от свидетеля до обвиняемого один шаг. Особенно досталось летчикам — и поделом. Кто, как не они, привел машину в ловушку.

Старший следователь по особо важным делам Прокуратуры России терзал второго пилота, который уже начал проклинать день, когда родился на свет.

— Это какие такие геологи в Седом Логе? — иронично вопрошал следователь. — Они снялись два месяца назад. Ах, не знали. Понятненько... Какие такие больные? Холера, чума, сибирская язва? Ах, медведь помял. А мамонт там никого не помял?..

Вскоре начала вырисовываться любопытная и странная картина. Экипаж и охрана были выведены из строя каким-то чрезвычайно эффективным парализующим веществом, установить состав которого не представилось возможным. В рацию скорее всего был встроен хитроумный электронный сюрприз. При поступлении сигнала с земли иностранное устройство автоматически блокировало его на определенном диапазоне,

который ничего общего не имел со стандартным диапазоном для переговоров летчиков с землей. И когда экипаж был свято уверен, что его ведет служба управления воздушным движением, на самом деле этот труд взял на себя таинственный злоумышленник. Сам технический сюрприз преступники забрали с собой.

Как божий день было ясно, что не обошлось без участия кого-то из аэропортовских служащих. Кого? Ответ на этот вопрос искать долго не пришлось. После происшествия исчез техник по радиооборудованию, обслуживавший борт двадцать три двести четыре.

* * *

Эх, если бы заранее знать, на сколько именно опоздает девушка, с которой у тебя свидание. Тогда можно было бы опаздывать ровно настолько же и таким образом приходить вовремя. Но, похоже, это одна из самых неприкосновенных девичьих тайн. Может быть, и существуют на свете девушки, которые вообще не опаздывают, но мне такие пока не попадались. А вывести научным путем формулу опозданий хотя бы одной отдельно взятой дамы мне никак не удавалось. Впрочем, некоторые закономерности я нащупал. Дольше всего тебя заставляют ждать тогда, когда обстановка наименее благоприятствует этому. Например, хлещет косой мерзкий дождь. Или

трещит мороз, превращая твой нос и уши в сосульки. Или, как сейчас, билеты начинают жечь карман, и ты понимаешь, что вскоре долгожданный культпоход в театр сгорит синим пламенем.

Но вот свершилось — Клара выпорхнула из подземного перехода у метро «Войковская» и плавно поплыла ко мне, ловко огибая газетчиков, бомжей, легко двигаясь в часпиковской московской толпе. Сама непосредственность и непринужденность, она грызла своими белыми ровными зубами «милки вэй» — это в котором «так много молока», и вполне могла рекламировать зубную пасту «блендамед» — это которая «лучшее средство против кариеса».

— Как, ты уже здесь? — ее наивные зеленые глаза распахнулись еще шире. — А я думала, мне, как всегда, придется тебя ждать.

Намек понят. Год назад я единственный раз опоздал на целых десять минут, а она единственный раз всего лишь на пять — невероятная и не оцененная в то время мной доблесть.

— А ты уверена, что спектакль без нас не начнут? — саркастически осведомился я. — Где ты ходишь?

Она цепко взяла меня под локоть, так что маникюрные пальцы впились в кожу через материю пиджака.

— Как, ты ничего не знаешь? Я была в фирме «Интерсоюз». Мне предложили работу ма-

некенщицей. Первые полгода — в Вашингтоне. Потом — Гамбург. Открываются головокружительные перспективы, — щебетала она весенней птахой. — Ты рад, дорогой?

— Безумно.

— Я обещала подумать.

Она привычно мило преувеличивала. Кто-нибудь, может, выразился бы суровее — она лгала, но по отношению к такому небесному и невинному существу, как Клара, употреблять подобные слова просто грешно. Она «преувеличивала», по-моему, с момента, когда произнесла первое слово. Ее младенческое «агу» уже было «преувеличением». «Преувеличивала» она постоянно, неустанно и совершенно бескорыстно. Часто даже сама начинала искренне верить в свои слова. Мне понадобилось полтора года, чтобы разобраться в ее образовании, месте работы и в том, что она вовсе не правнучка князя Голицына.

Если двигаться на метро, то мы безнадежно опаздывали. Так что пришлось тормозить «левака» — удовольствие приятное, но дорогое. Я почти наяву слышал, как жалобно потрескивает мой месячный бюджет, как и без того тощие финансы готовятся спеть жалобный романс. Конечно, нищета не грех. Нищие — люди достойные и гордые. Вот только плохо, что они... нищие.

Театр «На завалинке у Грасского» заполнил остов потонувшего в рыночном океане кинотеа-

тра «Комсомолец Таджикистана». Облупившееся салатово-зеленое здание, построенное до войны, с некогда белыми колоннами, вполне подходило для театра. «Завалинка» считалась модным богемным заведением, полигоном для прокатывания самых безумных авангардистских идей.

Наш водитель гнал как бешеный, так что прибыли мы с запасом, но далеко не первыми. Огороженная цепями площадка перед театром была заставлена машинами самых разных марок — начиная от «Мерседесов» — блестящих и гладких, и кончая «Запорожцами» — мятыми и непритязательными.

У входа висела огромная, подсвеченная неоновыми лампами, по-авангардистски кривая и косая афиша, уведомлявшая, чем осчастливят «Завалинки» благодарного зрителя в ближайший месяц. Сегодня шла пьеса «На фига козе баян» — в скобках «попытка эротического осмысления фрейдовских сфер». Завтра — вторая часть «фрейдовского осмысления» «На фига негру снегоход» — пьеса в трех действиях с прологом и эпилогом. Следующие дни обещали «Сны ржавого коленвала», «Колобки на тропе войны — экзотические инсталляции». Потом — «Кужькины дети». И, наконец, «Обломов»!

В фойе плотно толпился народ. Тут были и дамы в вечерних платьях, внешними стандартами напоминающие манекены, вышедшие с од-

ной фабрики, а по росту — олимпийскую баскетбольную команду. И гладкокостюмные мальчишки с беспорядочно торчащими из всех карманов мобильниками. И богемные девчата и ребята (кто из них какого пола, определить порой было весьма нелегко), одетые странно и вызывающе — судя по повадкам и лицам, некоторые из них искурили не одну плантацию конопли и уничтожили не одно маковое поле.

Побывать на «Завалинке» считалось хорошим тоном, поэтому здесь, как всегда, рыскали голодными волками журналисты, толпились слегка ошалевшие и ничего не понимающие бизнесмены и фотомодели. Затесалась даже (кто бы мог подумать!) парочка театралов, таких, как я — людей здесь ненужных и никому не интересных.

Когда ползарплаты тратишь на театральные билеты, ничего удивительного, что через некоторое время начинаешь узнавать таких же завсегдаев подобных сборищ. Некоторых я уже заметил. Вот, например, эти двое — за последние годы они мне так примелькались. Я даже знаю фамилии и имена этих господ — Геннадий Горючий и Сидор Курляндский. Честно говоря, видел я их не только в театрах. Даже не столько. Первый — крепко сколоченный, кряжистый, как прадедушкин буфет, — не кто иной, как мой родной шеф. Второй — шарообразный, быстрый и переливающийся, как ртутный шарик на столе,

все время улыбающийся живчик — тоже шеф, спасибо, не мой.

— Ба, да это Георгий, — развел руками мой шеф Горючий, деревянно улыбаясь.

— Ба, да это Ступин, — развел руками не мой шеф Курляндский.

— Ба, знакомые все лица, — теперь настала моя очередь разводить руками.

— Ба, с девушкой, — всплеснул руками Курляндский.

— Клара, — представилась моя спутница и сделала книксен. — Корреспондент телевидения.

Врет — вздохнул я, но вслух этого не произнес и поспешил перевести разговор в иное русло:

— Какими судьбами? Интересуетесь авангардом?

— Кто, я? — удивился Курляндский. — Ну что вы. Закрывать будем, — его улыбка стала как у Буратино — от уха до уха.

— Бог ты мой, — только и сказал я.

— А если повезет — то и сажать, — мечтательно протянул Курляндский, поглаживая кончиками пальцев программку, на которой была изображена обнаженная девица.

Хобби прокурора отдела городской прокуратуры Курляндского — дела по порнографии. Время от времени он закрывал какой-нибудь театр, которых развелось бесчисленное множество, или отправлял за решетку особо прыткого главного